

ИНТЕРВЬЮ

Московский художественный академический театр имени А.П.Чехова, руководимый Олегом Николаевичем Ефремовым, загодя начинает готовиться к своему 100-летию юбилею, который отпразднует в сезон 1998/99 гг. Отсюда и все гастрольные поездки театра - прошлым летом в Сибирь, нынешним - по волжским городам от Ярославля до Волгограда и далее по каналу Волга-Дон до Ростова и Таганрога. Отсюда и в интервью, беседах с мхатовцами - в первую очередь тема грядущего столетия.

Надо жить с удовольствием

Моск. правда. — 1995. — 13 сент. — с. 5

- 100-летие МХАТа - это не только наше событие, хотя мы и являемся наследниками Константина Сергеевича Станиславского, совершившего переворот в театральном искусстве конца прошлого и начала нашего столетия, - говорит О.Ефремов. - Я надеюсь, что к этому событию будет приковано внимание культурного слоя России, которое еще существует, ибо МХАТ - это не только театр, но и литература, поэзия, с ним связанные, это Чехов, имя которого мы носим. В прошлом году ездили по Сибири, тоже как бы предвзято наш юбилей. Играли в Омске и вокруг, в Красноярске, Новосибирске, по Енисею спустились в Норильск. Для МХАТа это было впервые. Теперь вот родилась красивая идея спуститься вниз по Волге, по городам вдоль великой русской реки, давшей отечеству много замечательных людей, составивших фарватер российской культуры.

- Олег Николаевич, для меня в некотором роде загадкой стал ваш нынешний гастрольный репертуар. По какому принципу из почти сорока названий мхатовской афиши были отобраны те восемь, что вы решили играть в поездке?

- Ну, прежде всего мы взяли последние свои премьеры. Играем «Бориса Годунова» Лушкина, стремясь победить те штампы, которые сидят в нас с детства в отношении этой вещи, да и штампы, идущие от оперной вер-

сии трагедии. Опера и драма имеют серьезные различия. Играем пьесу Александра Гельмана «Мишин юбилей». Кстати, впервые этот спектакль мы показали в прошлом году во время сибирских гастролей, а уже потом сыграли премьеру в Москве. После десятилетнего молчания Гельман написал пьесу о сегодняшнем дне, сегодняшних людях, сегодняшних характерах. Жанр пьесы трудно определить, но зал смеется и задумывается о чем-то. Если «Борис Годунов» пьеса о смутном времени далекого прошлого, то «Мишин юбилей» тоже о смутном, но уже нашем времени. Играем «Чеховские страницы», убрав из старого, но всегда имеющего огромный успех спектакля напластованные штампы, пошлость. В качестве своего рода лирического заплата, для небольшого круга зрителей, чтобы можно было играть на теплоходе в музыкальном салоне, отобрали моноспектакль Виктора Николаевича Сергачева об Александре Блоке - «Жизнь поэта», в котором звучат и сами стихи Блока, и рассказ о нем, и «Семь жизней» - тоже литературную композицию с музыкальными фрагментами, посвященную Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. А подготовил и исполняет композицию вместе со своей супругой внук героя спектакля Василий Михайлович Немирович-Данченко. Еще три работы отобраны по принципу их мобильности: несложное декора-

ционное оформление, небольшое число персонажей. Это «Дорогие мои, хорошие» о Сергее Есенине. «Брачная ночь, или 37-ое мая» Людмилы Петрушевской, молодежный спектакль «Сказки Мельпомены» - инсценировка нескольких чеховских рассказов. Два последних спектакля очень удобны тем, что их можно играть даже на теплоходе в переоборудованном под зрительный зал нижнем ресторане. Мы во всеоружии: готовы играть и на городских площадках, и на теплоходе - в зависимости от ситуации.

- Олег Николаевич, то, что состоялись такие сложные гастролы - это, конечно, замечательно. Успех, радость, пользу они, надо полагать, принесли немалые и самому театру, и тем более зрителям. А в повседневной творческой жизни как вы себя чувствуете? Что мешает, что радует, с какими трудностями приходится сталкиваться?

- Как бы это поточнее выразить? Раньше, в так называемые застойные времена, мы получали, как теперь принято говорить, некий «кайф» от того, как сумели исхитриться и поставить, что хотелось, выразить в спектакле, что задумано. Даже азарт какой-то появлялся. Придумывали, как поставить, чтобы высшие силы пропустили, боролись за свои спектакли. Теперь это все ушло: мы сами хозяева своего выбора - ставь, что хочешь, играй, как можешь. И создается новая

сложность, новая трудность: свобода влечет за собой ответственность перед личностью в искусстве. Что ты, художник, хочешь сказать своим спектаклем, за что и против чего выступаешь. Тут-то и начинаешь ощущать, что в чем-то тебе не хватает знаний, что-то не до конца продумано, решено. Если раньше почти неизбежно возникала конфронтация с некими внешними силами, то теперь она возникает внутри тебя, с самим собой. Задаешь вопросы самому себе и сам же должен на них ответить. Но зато, если нащупаешь верный ход, получил благодарный зрительский отклик, приходит чувство огромного удовлетворения.

- Раньше для создания такого скрытого конфликта, конфронтации с властью, как вы сказали, существовали пьесы Шатрова, Гельмана, и каждый ваш спектакль становился событием, а иной раз и полем битвы. Сейчас событийных пьес что-то не наблюдается. Да и спектаклей событийных тоже. Хороших - да, а событийных - мало. И уж во всяком случае не по современным пьесам.

- Сейчас все гораздо сложнее. Драматургия Шатрова, Гельмана, конечно же, готовила перестройку. Я убежден, например, что «Так победим» Михаила Шатрова можно было бы играть и сейчас. И был бы успех, как раньше. Пьеса основана на подлинных документах, все, о чем там говорится, не вымысел. Но мне

просто не хочется, чтобы этот спектакль участвовал в тех идеологических разборках, которые сегодня ведутся вокруг нашей истории. Поэтому я его и не играю. Вы правы, говоря, что Гельман и другие авторы давали нам в своих пьесах то, что мы хотели сказать и что искал в наших спектаклях зритель. С их пьесами мы проходили как бы сквозь сито. Ныне этого сита нет, и задачи стали труднее. Может быть, у кого-то и возникает желание подыграть власти...

- Чтобы найти чем завлечь зрителя?

- Ну да. Но это ложный путь. Надо заниматься настоящим искусством. Жить как-то осознаннее, чтобы основные ценности жизни были высокими. А это не просто.

- А не было у вас мысли пересмотреть и выбрать что-то из той драматургии, которая имеет право называться нашей классикой, хотя и советской, - Арбузов, Розов, Володин, Штейн. Да мало ли было у нас за советский период действительно прекрасных драматургов, в пьесах которых были и живые характеры, и острые, конфликтные, чисто человеческие ситуации.

- Да, разумеется. Тот же Вампилов, мне кажется, был недостаточно удачно воспринят. Особенно его «Утиная охота» и ее центральный герой Зилов. С точки зрения критиков, Зилов по тем временам был какой-то отрицательный. Сегодня такого подхода быть не может. И Вампилов прозвучит наконец совсем иначе. Для меня он более других современных драматургов несет в себе нечто чеховское. А его Зилов - это определенное социальное явление. Пусть молодой режиссер заново поставит «Утиную охоту» и восстановит справедливость.

- Сейчас у вас в театре в основном молодая режиссура...

- Ну, не совсем так, относительно молодая.

- Хорошо, скажем, среднего возраста, но все же ближе к молодому. А основной, крепкий актерский костяк, на котором держится репертуар, - поколение уже вполне зрелых, даже маститых, давно сформировавшихся мастеров. Не возникает ли ситуация пиетета режиссуры перед «звездной» актерской когортой?

- Маститые больше знакомы зрителю, больше снимались в кино. Но у нас прекрасное среднее поколение и талантливая молодежь. А режиссеры наши работают как с маститыми, так и с молодыми. Проблем не возникает. Тому пример одна из самых последних наших премьер «Любовь в Крыму» Мрожека, поставленная Романом Козаком. Там заняты актеры разных поколений. Конечно, надо, чтобы среднее поколение, а за ним и молодежь понимали свою ответственность за театр, на них ложится постепенно вся нагрузка, и ей необходимо соответствовать. Тот же Шкалик. Со своими минусами, но несомненно талантливый актер. Или Леночка Майорова. Какая она превосходная Сарра в «Иванове», в прошедшем сезоне сыграла центральную роль в «Тойбеле и ее демоне». В новом сезоне в «Грозе» Катерину будет играть только что принятая

в труппу выпускница нашей Школы-студии Корзун. Она, кстати, уже играет в пьесе Мрожека.

В предстоящем сезоне у нас намечается десять премьер, так что и режиссуре, и актерам будет много работы.

- Среди молодежи у вас есть несколько «звездных» имен. По родителю. Такой аванс надо оправдать. Как по-вашему они соответствуют фамилиям, которые носят?

- В театре у нас династия Невинных, Юрская (правда, она только первый сезон отработала, способная девочка), Миша Ефремов. Миша много работает и как артист, и как режиссер. Кажется, довольно успешно. Я-то как раз не люблю, когда возникают интриги личного порядка. Но пытаюсь быть объективным.

- Тяжесть такого огромного «здания», как МХАТ, сильно давит на плечи?

- Да. Но мне кажется, что творческий человек устает даже не от работы, а от ответственности. По характеру я вроде бы человек динамичный, но два последних сезона здорово болел, и когда тебе не позволяет в полную силу работать твоя «физика», это очень плохо.

- На протяжении одного поколения мы уже неоднократно слышали, что театр умирает, от него отвернуло зритель. Еще, помнится, Мариэтта Шагинян прочила смерть профессиональному театру и утверждала, что сохранится одна самодеятельность. А как вы считаете: светлые прогнозы есть?

- Несомненно. И залы наполняются, и идет какой-то процесс обновления. Театр всегда был некой моделью жизни, а жизнь никогда не бывает ровненькой. Поэтому и в театре случаются свои кризисы и подъемы. А все суждения о смерти театра идут от неглубокого понимания, что же такое театральное искусство. Наши классики это понимали. Другое дело, что разным эпохам соответствует и разная драматургия.

- Кстати, вот пример: многие считают, что для нашего времени устарел Мольер, его нельзя ставить. А он прекрасно идет и у вас во МХАТе, и в Вахтанговском театре, и в Театральном центре имени Ермоловой, да и в других театрах.

- Да, Мольер идет. А вот Брехт, как это ни странно может показаться, на сегодня устарел. Кроме «зонгов» и теории «очуждения», он не представляет художественного интереса, не вписывается в наше время. Поэтому мы ставим в новом сезоне не какую-то конкретную его вещь, а «Брехтиану» - композицию из отдельных, лучших кусков ряда пьес. На постановку пригласили Марка Розовского, а он мастер таких композиций. Семь актеров сыграют у него двадцать ролей. Это будет своего рода шоу, площадной театр, прямая связь с зрительным залом.

Нет, театр - это жизнь, а жизнь все равно прекрасна, несмотря на ее трудности и печали. И как это можно ее проворонить! Нельзя! Никогда нельзя. Жить надо с удовольствием. И чтобы люди получали удовольствие от театра.

Беседу вел
Наталья БАЛАШОВА.
Фото В.ПЛОТНИКОВА.